

ЕСЛИ БЫ МОЖНО БЫЛО ОБМЕНЯТЬ
СВОЮ СУДЬБУ НА ДРУГУЮ,
ТО КАЖДЫЙ ВЕРНУЛСЯ БЫ ЗА СВОЕЙ,
УЖАСНУВШИСЬ ЧУЖИМ СТРАДАНИЯМ

ЗАПИСКИ ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Мира Шелест

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мира Шелест

Записки из старой тетради

<https://litres.ru/74487133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — не острый социальный памфлет и не историческая хроника. Это личная история женщины, рождённой в прошлом веке и прошедшей вместе со страной все перипетии. Сумевшей не только выстоять, но и создать свою жизнь заново. Без жалости к себе и без иллюзий о времени и людях. Автор не делает выводов за страну — она рассказывает о своей жизни в этой стране. Жизни, рождённой на фоне развала. И о том, как среди всего этого хаоса она нашла точку опоры. Книга для тех, кто помнит. И для тех, кто хочет понять. Записки из старой тетради рождались, выросли, обретали смыслы и опору вместе с их автором. Каждое описанное событие имело место в реальности и нанизывалось на жизненную нить как бусина на чётках. Предлагаю вам прикоснуться к каждой бусине, почувствовать и пережить со мной всё рассказанное.

Имена и некоторые обстоятельства изменены. Все совпадения случайны.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мира Шелест

Записки из старой тетради

Глава

Эта история — не острый социальный памфлет и не историческая хроника. Это личная история женщины, рождённой в прошлом веке и прошедшей вместе со страной все перипетии. Сумевшей не только выстоять, но и создать свою жизнь заново. Без жалости к себе и без иллюзий о времени и людях. Автор не делает выводов за страну — она рассказывает о своей жизни в этой стране. Жизни, рождённой на фоне развала. И о том, как среди всего этого хаоса она нашла точку опоры. Книга для тех, кто помнит. И для тех, кто хочет понять. Записки из старой тетради рождались, росли, обретали смыслы и опору вместе с их автором. Каждое описанное событие имело место в реальности и нанизывалось на жизненную нить как бусина на чётках. Предлагаю вам прикоснуться к каждой бусине, почувствовать и пережить со мной всё рассказанное.

Имена и некоторые обстоятельства изменены. Все совпадения случайны.

ЗАПИСКИ ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ.

«Если бы можно было обменять свою судьбу на другую, то каждый вернулся бы за своей, ужаснувшись чужим страданиям»

Глава 1

Сон.

Темно. Даже не темно, а как-то липко-сумеречно. Я бегу вдоль сгнивших, полуразрушенных домов с пустыми глазницами окон, прогнутых от старости крыш, открытых в немом крике ртов выбитых дверей. Остатки стен, слезливо блестят влажной плесенью. Странная геометрия развалин позволяет видеть дома насквозь. Улица из этих давно мёртвых домов заворачивается в петли лабиринта, обманывает непреодолимостью заборов. Калитки, ржавыми засовами жалобно скупают мне в след. Сквозь щербатый штакетник, вижу своего преследователя, опережая его всего на несколько секунд, бегу дальше.

Страх гонит меня. Шаги за спиной гулким эхом отдаются в сердце, и я начинаю в панике задыхаться. Я ищу укрытие чтобы перевести дух и спрятаться. Спрятаться! Знаю, что будет если он меня найдёт. Сначала будет бить, и когда чернота ненависти нальёт его тело силой, насиловать. Бить и насиловать! Заставляя менять позы, чтоб не видеть опухшего от долгого положения на коленях, зарёванного лица. Ритмичными движениями вбивая в меня лютую озлобленность на

своего отца, мать, весь мир.

Всё это будет продолжаться пока чернота ненависти не выльется потоком спермы, освобождая на несколько часов уже погруженную в темноту душу и разум. Это может продлиться до рассвета. Долгие, невозможно долгие часы страха и беспомощности. А пока я бегу и ищу дверь, которую смогу запереть так, чтобы он никогда ко мне не приблизился. У последней калитки, прижав его пальцы в створе, я бешено колочу по ним пока засов с громким лязгом не заходит в скобу. Подняв глаза, я натыкаюсь на затянутые серой мглой зрачки. Этот потусторонний взгляд вышвыривает меня из сна.

Резко открыла глаза. Сердце захлёбывается от огромного объёма крови, стянутого со всего организма так, что ноги и руки стали ледяными. Мозг, не разграничивая события сна и реальности дал команду на такое количество адреналина, что кровь пузырится в венах. Я слышу это шипение в ушах. Тело, обливаясь холодным потом, бьёт сильный озноб, сводя обескровленные ноги и руки в судорогах. Медленно спускаю ноги с кровати. Встаю и буквально плавая в пространстве, иду на кухню. Зубами откручиваю крышку флакончика с лекарством. Хлюпнула в стакан. Немного разбавила горькое снадобье ещё тёплой с вечера водой. Выпила. Заворачиваюсь в плед, сажусь на кухне и жду пока тело успокоится. На это уходит больше часа.

Снова и снова, просыпаюсь после очередного кошмара и выходя на кухню, могу не смотреть на часы. Знаю. Три ча-

са ночи. Время перезагрузки мозга и разгула нечистой силы. Время моего кошмара, где я снова бегу от преследования по тёмным улицам моего страха, где для меня нет места и защиты. Иногда в этом сне появляются собаки. Огромные. Слаем они кидаются на хлипкий забор, просовывая оскаленные морды, клацают жёлтыми клыками оставляя на чёрных досках хлопья белой, вязкой пены.

Сорок дней со дня смерти, человека, которого я более двадцати лет считала родным. Сорок дней я каждое утро стою перед иконами в маленькой, деревянной церкви Параскевы Пятницы, с одной единственной молитвой о прощении и упокоении раба Божьего. Сорок дней убеждаю себя, что всё закончилось, но каждую следующую ночь я снова бегу в своих кошмарах от отца своего ребёнка, от мужа перед Богом и людьми.

Глава 2

Фатум.

Заметила, что важные события с расстояния времени часто выглядят фатально. Как будто кто-то открыл люк огромного лототрона и швырнул меня в барабан с шарами-судьбами. Барабан прокрутился и по непонятному закону вдруг два шара оказываются рядом. Всё! Ставки сделаны.

#####

Конец лета. Я иду через двор родного дома. Двое незнакомых мне молодых мужчин что-то увлечённо обсуждают возле моего подъезда. Один из них, не прерывая разговора с

товарищем пристально рассматривает меня. Мне не нравится ни он, ни его взгляд. Чувствую себя оскорблённой таким пристальным вниманием. Прошла мимо.

Но уже на следующий вечер вижу этого персонажа, у служебного входа моей работы. Гладко выбрит, в тёмных брюках, куртке в крупную клетку и веткой хризантемы. Увидев меня, он с улыбкой двинулся навстречу как к старой знакомой. Вот же гадство!

Я сделала вид что не узнаю и развернувшись затесалась в группу коллег.

На следующий день он снова стоял на том же месте. И на третий. Такой же нелепый в своей куртке, с дурацкой, белой хризантемой под пристальными взглядами уже открыто хихикающих коллег. Пришлось молча взять его под руку и увести. Так, мы наконец познакомились, а через семь месяцев поженились.

Его было за что любить; образован, интересный собеседник, отличное чувство юмора. Много общего во взглядах на жизнь и необыкновенная лёгкость совместного бытия, не обременённого деньгами. Мы были молоды и полны желания построить свою благополучную жизнь.

Первый совместный отпуск мы провели на рыбалке. Ночью ставили сети на озёрах, а утром краснея перед каждым покупателем я продавала пойманную рыбу на рынке. Деньги складывали под салфетку на холодильнике в крохотной съёмной комнатке в частном доме. И так две недели. Я нена-

видела рыбалку! Рыбу, я ненавидела отдельно, потому что её ещё надо было чистить.

В конце восьмидесятых прилавки магазинов и так не обременённые богатством ассортимента начали пустеть. У людей на руках копились деньги, на которые нечего было купить. Предприятия ещё работали, но всё чаще людям задерживали зарплату или выдавали выпускаемой продукцией. Тонкой, осенней паутиной в воздухе повисла надвигающаяся безработица. Пытаясь решить проблему нехватки товаров, государство, ввело патенты на индивидуальную деятельность отдав людям то, с чем само справиться не имело возможности. Я уволилась с основного предприятия и начала шить. Платья. Пригодились навыки, полученные в школе на уроках труда, где девочек учили шить и готовить, а мальчишек мастерить из дерева.

Вставала я в четыре часа утра и уходила на рынок, чтобы занять место. Обычно до часа дня, всё продавала. Приходила домой, отшивала тридцать платьев, убирала квартиру, готовила ужин и ждала мужа с работы. Мы много работали, и салфетка на холодильнике уже не вмещала наши доходы. Так на мягких лапках в советскую жизнь входил капитализм с полным набором возможностей и беспощадных кризисов.

С любовью пришла удача. Всё что хотелось, получалось, нужные люди встречались, деньги зарабатывались. Свадьба в ресторане, совместно купленная кооперативная квартира, новые жигули, большая библиотека, красивая мебель и пол-

ный холодильник. Видеомагнитофон, купленный у барыг в Москве -- тогда за него можно было попасть на учёт в милицию. Видеокамера. Такие дома называют «полной чашей». Пять лет мы были счастливы полной чашей.

И вот начало девяностых. Именно девяностые открыли воронку бешенных, ничем не обеспеченных денег, пустых магазинов, инфляции, череды денежных реформ и дефолтов. Огромного масштаба экономические аферы в стране в невозможных для понимания объёмах. Дезориентированная страна превратилась в один, совершенно дикий рынок.

Опьянение «пустыми» деньгами, перешедшее в похмелье пороками, мутной пеной застилала людское сознание. В столицах убивали известных людей, генералов, партийных работников, а в регионах власть практически перешла в руки криминала. Могучая страна рассыпалась и... ещё многие десятилетия никто так и не осмелится озвучить количество погибших в той кровавой мясорубке развала Союза Советских Социалистических Республик.

Время перемен и перелома. Калейдоскоп из быстро сменяющих друг друга руководителей страны и полного экономического развала с безработицей. Невиданная доселе чечевица и детское питание в пакетах гуманитарной, американской помощи. Швырнув в народ непонятым ваучером, огромную страну под шумок растащили и приватизировали несколько человек.

Новая экономическая политика — непонятная, мутная,

полная надежд на будущее, одуревшая от иллюзий возможностей. Никто не учил нас, что делать с ничем не обеспеченными деньгами и как жить в хаосе. Высшее, экономическое образование не давало понимания происходящего. Основной источник информации о капитализме и его личинах, многотомник «Капитал», написанный господином К. Марксом, активно изучаемый в советских институтах, оставался одним из самых скучных и мутных для нас. Защищённые социализмом, мы активно отлынивали от изучения предмета и не допускали мысли что однажды капитализм появится в СССР. У советских людей не было такого опыта.

Фирмы, конторы, разнообразные коммерческие сообщества – как пузыри в лужах оптимистично появлялись и лопались, не задерживаясь надолго. Не уверенные в завтрашнем дне новоявленные кооператоры-бизнесмены, просаживали деньги в сомнительных проектах и снова бросались в коммерцию. Время рынков, кидал, бандитского «крышевания» и веры в силу Кашпировского. Никто не догадывался что это только предвестие настоящей беды...

Девяностые можно ставить отдельной страницей истории Родины.

Рождаемость на нуле. Бандитизм. Многочисленные родильные дома, детские садики и школы, перестраиваются под торговлю, или просто стоят с заколоченными фанерой окнами, медленно разрушаясь. Количество самоубийств от отчаяния -- зашкаливает. Не у всех хватает мужества жить

в предложенных условиях, не впадая в зависимости. Алкоголь в режиме 24\7 в каждой подворотне. Школы заполонили наркотики.

Не умея совладать с голодом, страна вышла на европейскую панель предлагая себя в пользование без ограничений, за еду. Первые ножки «буша». Открыли границы и народ двинулся в поисках средств на жизнь. Безработные полицейские, офицеры армии, учителя, инженеры, врачи, спортсмены и заводчане – в один момент превратились в «челноков», каждый по-своему применяя свои знания по всем сторонам «баррикад» в борьбе за выживание.

Всё что осталось от промышленного социализма вывезли за границу и продали за бесценок. Кто что мог. Кто-то вывозил всякую мелочь типа батареек, а кто-то металл, оборудование, заводы. Молодёжь качала мышцы в подвальных спортклубах мечтая о тёплом и сытом «крыле» криминальных авторитетов. На окнах домов появились решётки, а в квартирах модные ротвейлеры и Стаффордширские терьеры.

Я прожила то время до последней секунды и не знаю никого из той первой волны перехода в рыночную экономику, кто смог бы подняться по материальной лестнице и удержать результат. Кто-то погиб в перестрелках, кто-то от передоза и алкоголизма, оставшихся догнала онкология.

Глава 3

Что сеешь, то и колосится.

Огромная страна раскололась как Титаник и тонула в нищете, а люди перемалывались в жерновах перемен в колючую, обоюдоострую стеклянную пыль страха, безысходности и порока.

Подхваченные вихрем событий мы вместе со всей страной понеслись в неизвестный мир капитализма. Поездки за товаром в Европу, тоже переживающую не лучшие времена, быстро закончились. Польша, Румыния, Турция, цепко ухватившись за бескрайний российский рынок быстрыми темпами развивались, поднимая цены на свой товар и россияне двинулись в Китай за дешёвым ширпотребом. Челночные поездки мужа в Китай, в заколоченных на огромные гвозди вагонах в сопровождении вооружённой автоматами охраны. Одни бандиты потрошили поезда с челноками, другие охраняли.

Пять дней жизни в закрытом пространстве с пьянством и зачастую в свальном грехе, туда, потом двое суток на закупку товара и обратно. В таком же ритме пятидневных развлечений в купе до потолка, заваленных китайским ширпотребом.

Я с удивлением замечала изменения в муже. Муж уверял, что никакой алкоголизм ему не грозит, и что это только усталость от напряжённой дороги и временные трудности. А в это время он уже был болен.

После долгого лечения, я, наконец-то, забеременела. Тысяча девятьсот девяносто второй год. Сыну было четыре ме-

сяца, когда я пошла работать на рынок, сцеживая грудное молоко и оставляя младенца маме. Муж оставался дома и клялся, что это последний запой. Самый, самый последний!

Интервалы между запоями становились короче.

Иногда перерыв мог быть несколько месяцев. Потом доказывая себе, что здоров, он начинал с небольших доз элитного алкоголя и проваливался в ещё более тяжкий запой, ещё большую агрессию.

Порок может принимать разные обличья. Он невидимыми парами ртути закрадывается сначала в душу человека и, разлагая её, потом медленно уничтожит и всё вокруг, дело только времени.

Деньги, друзья, удача, которая долгое время, сопутствовала нам, всё растворилось в алкоголе. Некогда уютный и богатый по тем меркам дом, за короткий срок как в ускоренных кадрах чёрно-белого кино, ветшал и разрушался. Алкоголизм отравил дом, отношения, души. Скомкал и исковеркал восприятие реальности. В семье не пропадают поодиночке, потому что это семья.

Уверенная в себе и благородном порыве, любой ценой спасти мужа, я совершенно не понимала, что в это самое время пропадаю сама, принимая на плечи, непомерный крест. Быть вместе и в горе, и в радости не были для меня просто словами.

На зажжённый алтарь во имя спасения мужа, кроме себя я уложила и нашего ребёнка. Я не помню, как рос мой сын

с трёх до двенадцати лет. Почти не помню. Нет, я следила, чтобы сын был сыт, здоров, одет. Он посещал детсад и школу. Но в преданном служении мужу, сын остался на втором, иногда третьем плане, как когда-то я для своей мамы. А виновата опять любовь.

Незадолго до смерти мужа происходили события, которые я потом назвала знаками.

Перед уходом человеку обязательно предоставляется шанс одуматься и изменить свою жизнь. Как это выглядит? Как череда случайностей!

Сначала материальная жизнь начинает утекать в виде нелепых потерь денег, роковых стечений обстоятельств, а дальше по нарастающей. Внезапное ограбление, потеря документов, проигранные суды, болезнь близких, пьяные гопники, автомобильная авария.

Если человек ничего не меняет, то это и есть свобода выбора - смерти.

Однажды я легла спать, чувствуя себя совершенно здоровой, а утром не смогла встать. Сильнейшее головокружение, невозможность самостоятельно себя обслуживать. Инвалидность. Чтобы не двинулась психика, двинулись шейные позвонки. Когда врачи признали, что ничем не могут помочь, муж предложил мне съехать к маме, и не мешать ему жить.

Только через семь месяцев я смогу самостоятельно выйти на улицу без сопровождения. Потом будут долгие семь лет восстановления.

###

Никто не способен помочь человеку, если он этого не захочет?!

Даже Бог!

Я пыталась стать выше Бога, и как репей, запутавшись в ложных убеждениях, обрекла себя быть разодранной на части, потому что сама отцепиться была не способна. Страх, изматывающая тревожность и болезненная преданность — сейчас это называют зависимые отношения. В то время как я была убеждена, что люблю.

Судьба кричала мне в лицо о неправильности происходящего, но мне пришлось прожить каждую букву жизненных истин, заплатив за ошибочное убеждение огромную цену. В итоге: два десятилетия семейной жизни, научили совершенно не бояться ада, это была моя среда обитания.

Глава 4

Другая реальность

Сын в своей комнате. Муж сидит за кухонным столом с опухшим от пьянства лицом. Перед ним неполная бутылка с водкой и стакан. Я стояла навтыжку перед ним, теребя трясущимися руками старенькое кухонное полотенце Сердце, измотанное постоянным страхом бешено колотилось, пока мне рассказывали какая я виноватая во всём тварь.

-- Сегодня ночью я зарежу сына. – без всякого перехода, вдруг произнёс муж. Голос звучал так, как если бы для него всё было решено -- Сначала отрежу ему нос, потом уши, а тебя заставлю смотреть как он будет умирать. Потом убью тебя. Медленно. Я буду снимать с тебя кожу и смотреть как ты мучаешься.

В свой адрес я часто слышала угрозы. Разные. Но сейчас, впервые, была озвучена угроза сыну. Привычное оцепенение слетело в секунду. Мощная волна энергии поднялась от ног. Я быстро прошла в спальню:

--Сынок, одевайся, выйди в подъезд и жди меня там. – строго проговорила я.

Приоткрыла входную дверь. Пока сын одевался, я тянула время продолжая разговор.

-- За что ты хочешь убить сына?

-- Потому что хочу, сдохнуть! – его голос не имел интонации. После был долгий, много раз слышанный монолог о несправедливости мира, нелюбви его отца, предательстве матери.

-- Смотри на меня! - прозвучал приказ.

Вот зря он это сказал, потому что я повиновалась. Больше по привычке, как дрессированная слониха, которая легко могла бы сломать хребет своему мучителю, но не смела, только потому что жалела его.

Я подняла глаза, реальность моргнула и неожиданно я увидела силуэт мужа опутанным нитями серой, густой пау-

тины. Нити сплетались в сине-красный клубок и алчно вытягиваясь тянулись зубастыми щупальцами к моему солнечному сплетению. Щупальца извивались, чавкали, жадно глотая мои эмоции страха и отчаяния, напивая ими отвратительную сущность, сидящую словно шлем на голове того, кто когда-то был мужем, отцом, человеком. На уже совершенно не знакомом мне лице блуждала самодовольная улыбка. Я поняла, что человека здесь давно нет.

В голове звенело, приступ панической атаки подкосил ноги, и я вцепилась в столешницу. Чтобы не потерять сознание, опустила взгляд, сосредоточившись на своём теле.

Мысленно, я, намотала на кулак эту чавкающую гадость, резко вырвала щупальца из своего тела и швырнула в нежить. Отброшенные щупальца чудовища, лишившись еды, вереща извивались, ища того, кто прервал столь вкусный пир и не найдя, злобно накинулись на своего хозяина, раздирая его на части.

Моё тело, в тонком мире пульсировало кровавым месивом. Солнечное сплетение, разодранное, вывернутое наружу, облегчённо задышало. Спина вытянулась. Я как будто очнулась от морока. Ясность сознания. Свобода и понимание. Ни жалости, ни сожаления. Человек сам выбирает свой путь и только сам может позволить приблизиться к себе подобной твари. Всё кончилось! Я достаточно повисела на кресте!

Это был последний раз, когда я видела мужа живым.

Глава 5

Детство

Я родилась в рабочей семье, на городской окраине в однокомнатной, тогда ещё новой «хрущёвки», на первом этаже. Времена политической оттепели, снижения цен, стабильности и высокой рождаемости. Отец работал на заводе. От его рук всегда приятно пахло чем-то масляно-металлическим. Я не помню его лица, но помню то, что я ребёнком чувствовала рядом с ним. Обожала, когда отец читал свои книги. Я подлезала под его руки, как будто специально сложенные так, чтобы я могла там прятаться. Это стало моим самым безопасным в мире местом.

Изобретательность на всякие шалости у нас с сестрой по пятибалльной системе, легко бы дотянули до «десяти». Что бы обуздать детские фантазии, родители приняли единственно возможный для нас метод воспитания – ремень, залог нашего благополучия, воспитанности и счастливого будущего.

В избегании наказания ремнём у меня был высший уровень!

В ход шли громкий рёв, больше похожий на заводскую сирену. Призывы к милосердию. Уверения в моей непричастности ещё до того, как мне предъявляли обвинение. Театральное заламывание рук и клятвы «что больше никогда-никогда». Этим я здорово отличалась от сестры с её упертостью. Надо отдать должное маме, проявляя колоссальное

терпение и выдержку она никогда не наказывала нас зря.

Шестидесятые- время советского «бэби-бума». На лестничной площадке нашей четырёхэтажной хрущёвки четыре квартиры, в каждой есть дети, а всего нас девять детей разного возраста и это только на одном этаже. Я самая младшая, мне пять.

Однажды, в домике детского сада напротив дома, вся эта дружная компания, курила украденные у отца папиросы «Беломор». Мне сестра запретила курить, потому что маленькая, но и не отпустила, потому что я могла наябедничать матери. Что я частенько и делала, если меня с собой не брали «старшие». Потом мы долго не могли понять, как взрослые догадались, что мы там курим? Представляю дымище от «Беломора» над тем домиком! Эх, детство!

В то время, дети, даже бегая по улице, не оставались совсем без присмотра. Можно было отхватить по шее за не правильное поведение от любого взрослого. А если учитывать, что мы росли в заводском районе, где все друг друга знали, то всегда находился тот, кто мог слить нас родителям. Чужих детей не было, впрочем, как и педофилов, бомжей, тунеядцев! Может они где-то и были, но мы никогда, ничего про это не слышали.

Сделать счастливое, вольное, безопасное, советское детство, ещё интересней могла только старшая сестра! С моим мастерством шантажа и обещанием всё рассказать матери на случай, если старшие не возьмут с собой, даже отлупленная

этой самой сестрой, интересными приключениями, я была обеспечена. Коммуникации и выживанию в среде, нас учила улица. Именно она давала много больше, чем «светское воспитание» в яслях, детском саду и школе, вместе взятые.

Настоящий детский мир до краёв, наполненный играми. Окутанные страшными клятвами коробочки-секреты с цветными стёклышками и фантиками, прикопанные между деревьев во дворе подружками, учили нас хранить чужие тайны и держать данное слово. Клятвы в вечной дружбе скреплённых кровью из поцарапанных запястий, для нас, детей шестидесятих, всё было по-настоящему.

Выпавший из гнезда не оперившийся птенец, случайно попавшийся нам на глаза, был обречён на всякого рода реанимационные мероприятия с кормлением дождевыми червями. Не сговариваясь, мы ранним летним утром собирались возле коробки с птенцом. С интересом наблюдали как эти самые кусочки червей шевелились в синевато-прозрачном брюшке птенца и потом горько оплакивали его кончину. Птенцы не выживают без матери, это понимание обретено опытным путём.

В нашем дворе, набиралось более сорока детей разного возраста. Пока события развивались внутри этого «коллектива», мы могли драться, спорить, давать клички, играть, делить территории между подъездами, но каждую весну и осень мы вместе со взрослыми старательно сгребали опавшую листву на субботниках.

Пока во дворе был мир, нас, мелких, дразнили, отвешивали подзатыльники и «саечки», удирали от нас, но никогда не давали в обиду другим.

Иногда случались баталии и дома. Не знаю почему сёстры и братья дерутся. Мы с сестрой дрались только по одной причине; мама и отец, всегда были на работе. Соответственно сестра, как старшая, утром, получала задания по дому. В наши обязанности входило убратся, сходить в магазин, накормить себя и всё за собой убрать, иногда начистить картошки, при чём сестре почти девять лет, она уже ходит в школу, а мне почти шесть.

Как только за родителями закрывалась дверь, все поручения перекладывались на меня, а сестра уносилась гулять, предварительно закрыв меня дома. Забегавшись, как нормальный ребёнок, она забывала о времени, и мать возвращалась с работы, как всегда, для неё неожиданно. Конечно же я ябедничала! Мама наказывала сестру, как старшую, потом сестра, колотила меня, и неизменно в углу мы оказывались вдвоём!

Глава 6

Детство кончилось

В одночасье этот счастливый мир померк... По углам нашего дома, тяжёлой паутиной повисла тревога и недосказанность. Застывающие в воздухе слова обид и претензий, как ледяные иглы целили прямо в детское сердце. Тревожное молчание родителей. Ложась спать, я смотрела в угол

над кроватью, стараясь всем известным мне детским волшебством, разогнать этот холод.

Потом разбилось большое зеркало. Никто не знал, что это сделала я. Нечаянно. Большое зеркало разлетелось на тысячи, маленьких зеркал, которые продолжали отражать в себе лица мамы, папы, уродуя и искажая их.

- В доме будет покойник- выдохнула мама- плохая примета... Ещё всё хорошо. Последний мой год в подготовительной группе детского сада и предвкушение нового статуса первоклашки. Пахнущие пылью, жаркие июньские дни. Мама, делает дома ремонт, отец, как прежде уходит утром на работу, но зеркало уже разбилось...

Солнце встаёт каждое утро. Мы так привыкаем к этому и не представляем, что может быть по-другому. Оно тёплое. Оно вечное. Оно всегда есть и никуда деться не может! Всю мою маленькую жизнь было солнце и были мама и папа, и это как дышать! Родители, для ребёнка, как солнце, навсегда!

Лето кончилось.

Месяц назад мне исполнилось семь, а в этот солнечный день октября я узнала, что отец умер. Солнце взошло, а отца уже не было. Я не знаю, любила ли я его? Было странно. И безразлично. Я ещё не знала, что такое-умер. Взрослые гладили по голове, совали конфеты и отворачиваясь называли сироткой. Странные взрослые...

Солнце тонуло в опавших, ярко жёлтых листьях, согревая этот готовящийся к зимнему сну мир. Утро, одиннадцатого

октября с запахом прихваченной ночными заморозками полыни. Если попеременно закрывать, то левый, то правый глаз -- солнце, сквозь узор из почти голых веток деревьев на фоне синего осеннего неба прыгает с ветки на ветку, как живое.

Я иду в школу.

Очень хочется размахивать портфелем, как на красивых картинках в букваре, но нельзя, потому что там чернильница со смешным названием, непроливайка. Но не смотря на название, чернила проливаются. Это последний год, когда в первом классе использовали перьевые ручки и чернила. За что так мучали детей?! Писать перьевыми ручками было безумно не удобно. Они скрипели, царапали тетрадь и брызгали чернилами. Шариковые ручки уже существовали, так же, как и дурацкое мнение, что перьевая ручка учит чистописанию. Ничему она не учит, проверено!

Старенький портфельчик, его нам кто-то отдал, но мне это не важно. В свой первый класс, в школу на окраине города, я шла одна, из чужой квартиры, куда меня привезла мама ещё летом.

Три месяца назад, в конце июня, к подъезду моего дома подъехала большая, грузовая машина. Взрослые суетились, переговаривались приглушёнными голосами. Какие-то дяди стали выносить из нашей квартиры вещи на которые указывала мама. Соседи высыпали на улицу и выстроились вдоль тротуара ведущего от подъезда к большой машине. Как на похоронах.

Я путалась под ногами у взрослых прижав к груди старого, рыжего, набитого опилками игрушечного лисёнка и мало чего понимала. Меня захлёстывало то обилие внимания, свалившегося на меня вдруг. Я вышагивала между ровного строя соседей, как по красной дорожке к огромной машине и все эти люди смотрели на меня, как никогда до этого.

Внутри машины сидел улыбающийся дядька. Он подхватил меня, и я взлетела высоко, прям в кабину с огромным рулём и всякими приборами и стрелочками. В машине пахло горячим машинным маслом и табаком. Дядька посадил меня на колени и разрешил покрутить руль. Я замерла, боясь спугнуть этот волшебный миг и даже нажала на кнопку посреди руля. Машина, просигналила и это было счастье!

Наконец вышла мама и села в кабину рядом со мной. Двор нашего дома, утопающий в яркой зелени аккуратно подстриженных кустов диких яблонь, качнулся в лобовом стекле машины и поплыл. Машина фыркала и наконец натужно рыкнув сдала назад. Водитель, быстро вращая колесом руля вывел машину на дорогу, и мы поехали. Я впервые в такой огромной машине и не спускала глаз с водителя, того, как он крутил руль, переключал передачи при помощи огромного рычага посередине кабины.

В моём детском воображении руль, это уже огромный штурвал, а машина корабль. Мне разрешили встать, и придерживаемая мамой я смотрела в переднее стекло и передо мной уже разливалось море, в котором я плыла навстречу

приключениям.

Я не могла представить, что мы сейчас уезжаем из моего счастливого детства, от моего папы, навсегда. Я просто хотела прокатиться на большой машине и пройти по дорожке. И чтобы на меня, на моего рыжего лисёнка все смотрели.

О том что навсегда, я узнала, когда вещи из машины выгрузили в незнакомой мне квартире, а мама почему-то нервничала. Я сидела на своей кровати у входной двери и плакала, не понимая почему я не могу вернуться к папе. Приключение закончилось, и я хочу домой.

Мама влюбилась и теперь у неё новый муж, а мою кровать поставили у входной двери в чужой квартире. И мне надо жить дальше. Дети не умеют долго плакать, и не умея ничего изменить, начинают искать игру.

Вихрь новизны захватил меня. Полная свобода, новые друзья, щенки в сарае, походы на кладбище, казаки-разбойники и набеги на дачные посёлки. Но мне только шесть лет и мне очень хочется снова оказаться под рукой отца и что бы он читал книгу, а я могла бы спрятаться там и снова чувствовать его защиту. Это для меня важно!

###

А сейчас я иду в школу. Взрослые сказали, что папа умер и меня отпустят с уроков на похороны. Папе сделали операцию аппендицита, но у него почему-то разошлись послеоперационные швы, и он умер. После того как мама увезла меня, я его так и не увидела. Говорят, он очень любил нас, свою

семью.

Любовь стала причиной смерти отца. Так бывает... В двести моей детской безмятежности, вломилась беда и поселилась там надолго. Так я встретила своё семилетие.

Глава 7

Про любовь

Отчим родом из Запорожья, что на берегу Днепра. Его семья пережила немецкую оккупацию. Бомбёжки, голод, фашисты на постое в хате и трупы односельчан на виселицах. Первый раз отчим украл у немцев новогодние подарки. Ему было восемь лет. Мать отходила его за это отцовским ремнём. После освобождения от фашистов, всех переживших оккупацию ждала дорога в Сибирь. Бежали от голода. Просто бежали. По дороге нелепо погибает его отец.

Уже в О-ке беспризорничал. Его мать не справлялась с тремя дочерьми и двумя мальчишками. С четырнадцати лет на малолетке. Взрослел отчим, менялись статьи УК и тюрьмы. Намотал в общей сложности семнадцать с половиной лет заключения. По большей части за драки и воровство. Послевоенное поколение, оно было такое.

Он не выносил чистоты в доме и всячески выказывал своё презрение к порядку и деньгам. Тюремные законы продолжали для него существовать и в «мирной» жизни. У отчима не было своих детей и понятие семьи было абстрактным, но он любил мою маму. Так как мог... Эта любовь спасла его от очередного срока и изменила жизнь, но лишила нас с сест-

рой детства и научила меня не доверять любви.

Когда мама увезла меня в свою новую жизнь с любимым мужчиной, сестра осталась с отцом. Она была старше и больше понимала в происходящем, поэтому просто спряталась.

А пока новая жизнь на окраине города научила меня самой заботиться о себе. В то лето, я впервые ночевала на улице, потому как про меня просто забыли. Все!

###

Не хочется писать о любви. Это просто слово, обретающее силу в период гормональных гонов особей, не зависимо от пола. Проходит гон, проходит и любовь. Как плод остаются дети. С рождением новой жизни, любовь проявляет своё другое качество и становится в детях по настоящему вечной. Всё остальное – пустой звон словесных оборотов и метафор. В этом правда. Люди наряжают любовь в розовые одежды высокопарных эпитетов, наделяя любовь кружевами романтики и другой ерунды. Что это за чувство, если человек теряет здравомыслие и благодаря этому страдают дети, не способные защитить себя? Мы с сестрой не могли выбирать, поэтому просто жили своё детство, как есть.

Глава 8

Дети войны

Маме было двадцать семь лет, когда родилась я. У нас со старшей сестрой разница в три года и девять месяцев. Меня никто не ждал. О моём рождении никто не мечтал. От меня просто невозможно было избавиться. Бог как-то так упра-

вил, что когда мама поняла, что снова беременна, то побоялась делать аборт. В то время не было практически никаких контрацептивов, кроме резинового изделия номер два, а народные средства далеко не всегда эффективны. Послевоенным, государственным законом аборт был строжайше запрещен.

За полгода до беременности мной, мама после тяжёлого криминального аборта очнулась в бурьяне у дороги. По-видимому, что-то пошло не так и «кровавая повитуха» со своим мужем вытащила молодую женщину ближе к дороге и бросили. Очнулась она ночью. Полежала немного, потихоньку встала и пошла домой, придерживаясь за заборы. Через два дня на работу. К врачу нельзя, существовало суровое наказание как для «кровавых повитух», так и для женщин, пользовавшихся их услугами. Дома ждал муж и полутороговалая дочь, моя старшая сестра. Маме повезло, она выжила.

Жестокое время. Страх голода. Даже одежда была не столь важна. Я не говорю уже про образование. Мама рассказывала о голоде в войну, вкусе лебеды, рогоза и счастье дожить до весны.

Бабушка, чтобы накормить троих детей, в то время, когда дед был на фронте, глубокой осенью ходила на поля, уже прихваченные ледком, собирать колоски, оставшиеся после уборочной и испугавшись какого-то звука бежала домой так, что казалось получила сотрясение мозга, настолько сильно

потом болела голова.

За колоски давали десять лет на лесоповале, а детей по детским домам.

Ценности.

У детей войны другие ценности. Важно одно – выжить. В десять лет маму отдали в няньки в город, это была огромная удача и беда. Полуголодное существование в людях и четыре класса образования и шанс выжить. Однажды не выдержав тоски по дому, мама в резиновых сапогах, зимой, отправилась в деревню, на попутках. От трассы до деревни тридцать восемь километров, в мороз девочка шла пешком. С обмороженным, опухшим лицом, постучала в родной дом и ещё долго просидела в углу хаты не узнавшая родной матерью... Резиновые сапоги пришлось срезать с опухших от мороза ног, зато осталась дома.

В то время уехать из деревни в город на работу, было практически невозможно, потому что деревенским не выдавали паспорта, а без паспорта устроиться на работу в городе никак. Это не дореволюционная Россия, это послевоенная Сибирь. Таких тяжёлых судеб было великое множество. Дети войны, как могли выживали и сохраняли своих детей. Как могли.

Роды.

Мама любила рассказывать, как до последнего мечтала избавиться от беременности мной. На работе таскала фляги и ящики в надежде скинуть. Потом смирилась. Бедность, веч-

ная нехватка и страх голода. Но, по-видимому, у Бога на меня были планы и я, несмотря ни на что, родилась. Мягко говоря, не обычно, но всё же...

Вторая половина июля. Мама глубоко беременная мной, за две недели до родов, решила отдохнуть в деревне, возле своей мамы. Врач, который наблюдал её в городе, очень ответственно подсчитал сроки родов. Пришлись они на конец июля, начало августа. Оплачиваемые декретные отпус-ка тогда были полтора месяца до родов и полтора после, а дальше молодая мама обязана была выходить на работу. Лето выдалось жарким, с короткими грозами и очень урожай-ным на всякие лесные дары.

Беременность не первая, самочувствие отличное, а тут земляники поляны не тронутые. Понесло маму в лес по яго-ды. Одну не пустили, снарядили для пригляда родственницу, тётку Марфу. Набрали они ягод во всю посудину какая с со-бой была. А когда и посудина кончилась, то связали рукава старенькой кофты, и туда набрали, да ещё и грибочков-аба-бочков молоденьких, крепких, ядрёных сверху. Уже и уста-ли, и солнышко в зените, и возвращаться давно пора. До до-му километров пять шагать. А лес всё не отпускает. Всё-таки вышли на дорогу.

По старинному обычаю, поклонились лесу за дары щед-рые в пояс, и повернули к родной деревне. Только отошли они от леса с километр, мама начала рожать! Тётка напуга-лась. Семьдесят лет прожила, ни разу роды принимать не

приходилось. Причитает, кричит, ко всем богам взывает и между делом юбки свои нижние на пелёнки рвёт. А мама, от схваток ойкает, но тётке не разрешает, ягоды ни из кофты, ни из ведёрок на дорогу выбросить. Воды с собой почти нет. Хоть караул кричи! На дороге никого, до деревни далеко. То ли родихина жадность какую роль сыграла, то ли бабка, сильно к Богу взывала, то ли Леший сжалился над обеими, только схватки стали стихать. Да и стихли.

Встала мама, да с божьей помощью, до деревни и дошли. Всё что наохотили, домой припёрли. Рассказали, что с ними случилось. Наслушались охов да вздохов, отмылись в холодной бане и стали ждать, когда схватки снова начнутся. Дитё то, совсем недавно, в поле, явно хотело выйти в божий мир. Ждать-пождать, ан нет! Тишина. Возится малыш, пинается, а выходить передумал. В общем, переходила мной мама, ещё сорок три дня. Это медицинский, зафиксированный факт! Свершилось всё, только в первой половине сентября. Наверное, тогда и начались мои нелады со временем. Ни одни часы у меня не приживались, чаще терялись, или просто раздражали своим присутствием на руке.

Опаздывать для меня, норма жизни. Тянуть до последней минуты и вскакивать в последние вагоны (трапы), это считай моё «всё». Хотя легко просыпаюсь в нужный час, вплоть до минуток. Часто оказываюсь в нужное время, там, где надо. Терпеть не могу, строго назначенное время и жёсткие правила. Но ни разу за всю жизнь, ничего заработанного, из своих

рук, не выпустила, как мама те ягоды...

Глава 9

Гром

Ребёнок часто выживает там, где взрослые легко сходят с ума. Природа защищает психику малыша тем, что начисто стирает целые куски детской травмирующей памяти, оставляя только самое необходимое.

Из детства, после смерти отца, я многое не помню. Лишь яркими островками радости просвечивают время летних каникул в деревне у бабушки, которая своим мудрым чутьём сразу определила, что я никогда не буду жить в деревне.

Бабушка, мамина мама, родом из русской деревни в одну улицу, среди болот и многочисленных берёзовых околков. Когда-то деревня была больше, в три улицы, а на взгорке стояла большая деревянная церковь. Поездка к бабушке в деревню из города занимала около восьми часов тяжёлого бездорожья. В автобусе меня всегда жестоко укачивало, рвало. Автобус останавливался, меня умывали, поили и мы ехала дальше в бабушкино далёкое-далёко. Самая лучшая в мире бабушка Матрёна, была безграмотная. За пенсию в двадцать рублей расписывалась крестиком, но умела считать деньги и едва не умерла от ужаса впервые, уже после своих шестидесяти лет, увидев настоящий поезд. Я помню её мягкие натруженные руки с тёплым запахом особой, деревенской чистоты.

Однажды, в деревне, я стала свидетелем разговора бабуш-

ки и соседки бабы Поли. Женщины вспоминали, как во время войны одна из сельчанок, мать четверых деток, поздней осенью, чтобы накормить малышей ходила на поля и собирала оставшиеся после уборки урожая колоски ржи. По щиколотки в ледяной воде, с распухшими от голода ногам, она голыми руками выискивала среди ледяного месива воды и земли, колосья. Поля строго охранялись и женщину заметил сторож. Её осудили и дали десять лет каторги. Каким-то образом ей удалось бежать от конвоя и скрыться в лесу. Там, она выкопала землянку и ночами бегала к деткам, оставшимся на попечении старшей дочери десяти лет от роду. В самые голодные годы детей подкармливала всей деревней чем могли. Вышла она из леса через семь лет, в сорок восьмом году, когда с японского фронта вернулся её муж.

-- Матрёна, а ты помнишь, как бежала с того поля в сорок втором? - баба Поля легонько подтолкнула бабушку плечом. Из-под платка, накинутого на голову от летнего зноя, ярко голубые глаза соседки совсем по девчоночьи блеснули и женщины понимая друг друга рассмеялись. Потом прижавшись к друг другу головами на секунду замолчали.

-- Как вспомню, так голова начинает болеть. - смущённо улыбнувшись ответила бабушка. В сибирских деревнях не принято много говорить, о своих бедах, прожив всю жизнь бок о бок, женщины без слов понимали друг друга.

-- Бабушка, а что было в сорок втором? – сверкнула я любопытными глазами

-- Любопытной Варваре, на базаре нос оторвали в сорок втором. Ишь ты, всё ей знать надо. Пошли лучше корову встречать.

На меня, семилетнюю эта история произвела сильное впечатление.

-- Бабушка, а что такое каторга? – не унималась я стараясь идти поближе.

— Это гиблое место, внученька, там люди не выживают.

-- А где эта каторга, баба? —вопросы бабушке надо задавать сразу, иначе она опять закрутится по хозяйству, когда ещё у меня будет такая удача спросить.

-- Так за болотом.

-- За нашим?

-- Да!

-- Так значит мы живём возле каторги?

-- Не говори ерунды.

Навстречу качая лобастой головой с круто завёрнутыми рогами шла наша рыжая Марта.

В семьдесят четвёртом году бабушка гостила у нас в городе и наотрез отказывалась пользоваться благоустроенным туалетом, называя это святотатством. В её понимании расположение туалета за стенкой от кухни было невозможно по этическим соображениям, поэтому она пользовалась уличным туалетом в соседнем доме старого заводского общежития.

Светлая память бабушке.

####

Своё первое лето в деревне, без отца, я целыми днями пропадала на колхозных конюшнях. Бесстрашно заходила в клеть к диким, необъезженным жеребцам. В моём детском понимании, было невозможно, чтобы лошадь могла меня обидеть. У детей нет опыта страха.

Многие годы потом, в моих секретиках хранились бережно завёрнутые в газету, пряди из грив моих любимцев. Красавица Дочка молодая кобыла, трогательная, золотистой масти с белым подпалом. С длинной чёлкой, спускающейся на лоб и прикрывающей крупную «звёздочку». С умными карими глазами и палевой гривой. Белых гольфах на стройных ногах. В соседней загородке, похрапывал, нервно переступал копытами Гром -- отчаянный, злющий и неукротимый молодой жеребец. Чёрный как смоль, от кончиков ушей до самых подков. Лиловые, со сверкающими белками, настороженные и недоверчивые глаза.

Именно его лиловый глаз я впервые увидела между досок заколоченного окна в конюшне. Конь фыркал, принюхиваясь к моей руке, поворачивал морду, чтобы лучше разглядеть в узкую щель.

-- Ты не подходи к нему близко то, он дикий, и запросто зашибёт. Два раза пытался его объезжать. Это гад чуть меня не убил. Ни в какую не даётся. Если в воскресенье опять не получится, придётся на колбасу. Такие деньжищи за него колхоз отдал, а он рвёт всех, кусается как собака, лягается.

Я обернулась на голос. Позади меня стоял конюх, и как-то мимо меня, смотрел на нависающую над окном конюшни, крышу, покрытую дёрном. Молодой мужик в фуфайке, не смотря на летнюю жару, резиновых сапогах и кепке.

-- Третий день не даю ему воды в наказание, чтоб смирился.

-- А разве можно на колбасу? -- неожиданно пререзавшимся голосом, возразила я.

-- Ну а что с ним делать? Если объездить не получится, то на колбасу, или в соседний совхоз продадим, пусть там с ним мучаются. - махнув рукой, конюх повернул в сторону деревни. Полуденное солнце, обнимало летним зноем землю, разогревая запах свежескошенной травы, навоза и лошадиного пота. Воздух густым маревом струился видимыми, горячими струйками, восходящих от земли потоков.

Проследив за тем, как исчезала спина конюха, я нырнула в прохладу конюшни через соседнее окно. Я не любила слово «колбаса». Пустое ведро нашлось быстро, и гроыхая им, я отправилась на поиски воды. Бочка с водой, в каких у нас в городе продавали летом квас, стояла в створе ворот. Кран легко открылся, и тугая струя воды, ударила в дно старого ведра, разбрызгиваясь радугой капель.

Когда тебе семь лет, то полведра воды, это уже тяжёлая ноша. Кряхтя и отпыхиваясь, потащила ведро к клетки, в которой стоял Гром. Откинув крючок, я широко открыла дверь, выставила вперёд ведро с водой и устала в скосившийся

на меня глаз. По-видимому, тоже в наказание, Гром был привязан на очень короткий повод и мог только слегка повернуть ко мне голову, одним глазом. Я протянула вперёд ведро и ноздри коня, с храпом, втянули воздух.

Перебирая задними ногами, Гром нервничал и никак не мог меня определить, друг я или враг. Обозначившись в проёме клетки, я дала время коню принять решение и двинулась вперёд, с натугой поднимая ведро к морде. Пил он долго и жадно. К бочке с водой я ходила ещё четыре раза, стараясь набрать побольше. Потом вычистила ему ясли от объеденной травы и натаскала свежей, уложив её повыше, чтобы было удобно есть. Затем забралась в эти самые ясли и перебирая чёлку, спадающую на глаза Грома, рассказывала ему все свои детские мысли и сморенная жарой, уснула. Разбудил меня своим сердитым храпом, Гром.

Подняв голову, увидела, как четыре мужика, за барьером клетки, не смея подходить ближе, обсуждали, как меня вытащить и громко удивлялись, как конь меня до сих пор не убил. Я ещё немного полежала с закрытыми глазами обдумывая, как бы мне смыться не заметно и стоило мужикам отвлечься как я выскользнула между досок в окно и припустила к деревне.

Дома меня опять пытались отлупить хворостиной, на этот раз бабушка, от которой, я виртуозно уворачивалась и громко голосила, что больше не буду. Оттого ли что детей хранят ангелы, или от того, что они не пахнут, как взрослые стра-

хом, животные, даже с дурным характером не трогают их. Об этой истории ещё долго в деревне ходили разговоры о городской девчонке, которая залезла в клеть к зверюге.

Грома, всё-таки продали в другой колхоз. Приехавший посмотреть коня, зоотехник, выслушав историю про меня и Грома, пообещал, что оставит его на племя, поверив, что Гром не потерян для народного хозяйства, а колбаса подождёт.

В то лето, моя бабушка, первая узнала, что я хочу стать ветеринаром и лечить животных только после того, как побуду актрисой и лётчиком. Бабушка не спорила...

Глава 10

НЕГРЫ В ПЕЩЕРЕ

Вечер шикарного лета. С теплом, с дневной жарой, ярко-жёлтым песком пляжа. Если бы родители знали, что мы ходим купаться на Иртыш, головы бы нам точно по открывали!

В каждой квартире нашей двух подъездной хрущёвки, где были дети, ремень всегда весел на видном месте, поэтому родители ничего не знали о нашем счастливом детстве! Мы берегли их покой и свои задницы.

В воздухе уже чувствовались едва уловимые нотки спеющей полыни, а само августовское лето было зрелым, утомлённым и расслабленным. Уже всё случилось! Деревья, травы, успели отцвести и даже дать плоды вполне пригодные к употреблению, птицы вывели и поставили на крыло своих

птенцов, а наши платица, купленные в июне, почему-то стали короткими. Накупавшись и объевшись по дороге домой боярки, облавив все овраги с их чудесами, уставшие и довольные, мы вернулись домой. Мы-это наша дворовая братия, дружная, несмотря на разницу в возрасте. Самой младшей пять, мне шесть, а старшему пятнадцать лет.

Таскаясь за старшими братьями и сёстрами, слушая их «взрослые» разговоры, «мелкие», а к их числу относили и меня, много чего терпели, только бы остаться в «избранном обществе» старших. В тот день в нашем детском коллективе обсуждалась история «гроба на колёсиках». Ой, извиняюсь! Не просто гроба на колёсиках, а чёрного гроба на колёсиках, в чёрной пещере. То ли взрослые пацаны хотели отвадить мелких, то ли действительно их накрыло творческое вдохновение, но весь день мы слушали разные варианты этой истории о гробах и неграх, обрастающей всё более страшными подробностями и новыми персонажами.

Летний день в детстве, до краёв насыщенный событиями был целой жизнью, поэтому вечер, мягко перекатывающийся в темноту ночи, обнимал провожая сначала в мечты, а потом и в сон. Как детский мозг сложил из событий ушедшего дня сон, в котором чёрный гроб разъезжал по пещере, подгоняемый чёрными неграми, со сверкающими в темноте, белыми зубами?! На тот момент я и настоящих негров то видела только по телевизору!

Проснувшись, испуганная сном, я перебралась в кровать

к сестре, и только уткнувшись носом к ней в руку, почувствовала полную безопасность и наконец-то смогла подумать свою самую главную мысль: почему чёрные негры в чёрном гробу, были такими весёлыми? Утром, сестрёнка, выпытала у меня причину моих страхов, и нашим пацанам здорово досталось и строго-настрого было запрещено рассказывать страшилки при мне. Старшая сестра—это очень важный человек, потому что при ней даже чёрные негры, в чёрном гробу, в чёрной пещере — весёлые!

Глава 11

Родной дом

Не люблю дом, в котором выросла и покинула много лет назад. Вернее, не так: не люблю в нём бывать. Здесь нет моего счастливого детства. Но стоит потянуть на себя за ручку дверь родного подъезда, как воспоминания врываются в давно запертую на большой замок память и словно кадры старого фильма начинают мелькать забытые события.

Прошмыгнув по вечно тёмному «предбаннику» подъезда, рука привычно тянется к лестничным перилам. Деревянные, гладкие от многих прикосновений и толстого слоя коричневой краски, они ласкают ладонь, удобно укладываясь в руке и не желая отпускать ни на секунду. Скользя, пальцы легко находят и считывают вырезанные в дереве перил несколько десятков лет назад, буквы: «Оля плюс Витя равно любовь.», «Ира плюс Нина равно дружба.», «Стёпа-козёл.» Не смотря на время, буквы, наполовину залитые крас-

кой, живут, продолжая свой рассказ о детской любви, дружбе, отношениях...

В том моём детстве, в холодные, зимние дни подъезд становился нашим, безраздельным полем для игр, иногда очень шумных. Соседи терпели, потому что в подъезде шумели «свои» дети. В лестничных пролётах мы умудрялись играть в прятки, жмурки, глухой телефон и куклы. Сидя на ступеньках, рассказывали друг другу страшные истории про «гроб на колёсиках» и о своих приключениях. Подрастая мальчишки демонстрировали нам свои первые успехи игры на гитаре "под Высоцкого". В подъезде мы влюблялись, целовались, ссорились, мирились.

Окрашенные до середины толстым слоем густо зелёной краской стены, лентой тянулись до четвёртого этажа нашей кирпичной, толстостенной «хрущёвки», прерываясь на створы квартирных дверей. Я хорошо помню голоса и лица людей, когда-то живших за этими дверями. Здесь легко перехватывали друг у друга стакан сахара, кусок хлеба или трёшку до полочки. Сплетничали, судачили, ходили друг к другу в гости. За каждой дверью своя история и судьба, длинную в несколько поколений, часто совершенно неожиданная. Сейчас, почти никого не осталось. Мы выросли и разлетелись в свои жизни. Кто-то удачно, а кого-то уже нет в этом мире. Родители остались одни, продолжая по-соседски поддерживать друг друга, забывая все распри и разногласия своей молодости. Старость уравнила всех.

Почтовые ящики, немые свидетели тайников для квартирных ключей, газет «Правда» и «Труд». Здесь я прятала сначала свой школьный дневник, а позже сигареты, чтобы не отхватить от матери. На окне подъезда, в глиняном горшке, старый и почти засохший куст герани, выставленный кем-то украшать мир. Запахи готовящейся еды, звуки музыки, голоса за дверью квартир... Детский смех. Жизнь продолжается, несмотря ни на что. Я ухожу. Гулкой грустью стучит сердце. Не люблю бывать здесь. Больно.

Глава 12

Память

Как память умудряется спрятать в своих недрах -- время? Неуверенно помню школьную парту, за которой сидела и с кем... Помню лица учителей. Не всех. Кабинеты. Раздевалку в подвале-бомбоубежище с толстенными железными дверями. В каждой советской школе были оборудованные бомбоубежища, стилизованные под раздевалки, кабинеты НВП и складирование лыж.

Первые два класса я сидела на последней парте и ни чёрта не видела с доски. В то время дети с плохим зрением были редки. Признаться, что плохо, вижу, стыдно и в моём дневнике на два года поселились двойки и тройки. Иногда даже единицы. Меня считали тупой. Первая учительница, в третьем классе однажды похвалила мою домашнюю работу и поставила пятёрку. Первую. С того дня у меня не было ни одной тройки. Впервые ощутила поддержку и веру в меня.

Запомнилось — воодушевление и азарт.

В пятом классе учитель литературы прочитала вслух моё сочинение. Я придумала его сама. Всем понравилось. Никто не верил в меня. Учитель поверила. Настаивала, чтобы я ещё писала. Потом мы вместе обсуждали мою писанину. Образы жили во мне и просились на бумагу. По дороге домой из школы я в голос проговаривала диалоги своих выдуманных персонажей. Странная. Это долго было со мной.

Запомнилась гордость и радость понимания.

Помню лестницу на четвёртый этаж к спортзалу. Однажды я девятиклассницей мыла эту самую чёртову лестницу. Школьная форма согласно моде, слегка прикрывала мне бёдра в вертикальном положении, а тут в наклон.

Физрук ходил по школе в спортивных туфлях, конечно же, я, увлечённо натирая ступени, не услышала, как он подошёл. Его лёгкое покашливание буквально подбросило меня и руки заёрзали по форменному платью, натягивая его на место. На мне были чулки... Короче, картина маслом! Бедный физрук.

Запомнился стыд.

Помню платье на выпускном, его я сшила сама. Дождь всю ночь. Нас не выпустили из школы, и мы пили гадкое, красное вино с музыкантами из ансамбля за кулисами актового зала. Утром я шла домой босиком. Было пусто на улицах и внутри. Странное состояние. Школа окончена! А вокруг всё по-прежнему- утро, солнце, лето.

Запомнилась грусть невозвратности.

Я помню людей эмоциями. Кого-то радостью, кого-то любовью. Бывала боль, предательство и злость, восторг и восхищение. Сочувствие и смех, гнев и бессилие. Трепет и нежность, настороженность и стыд. Мы помним друг друга эмоциями, пережитыми при встрече.

Глава 13

Цыганка

Весна. Солнце во всё небо, легко и радостно! Разве может быть по-другому, когда человеку 18 лет! Все сценарии в фантазиях безмерно оптимистичны и обязательно с хорошим концом. Всё возможно.

Я закончила десять классов в шестнадцать лет и в первый год после окончания школы успешно провалила экзамены в пединститут, что обрадовало маму и мало расстроило меня. По странному и для меня счастливому стечению обстоятельств я неожиданно попала на курсы продавцов в центральном универмаге. В то время попасть в торговлю можно было исключительно по блату (т.е. по знакомству) и считалось большой удачей.

Есть мнение что девочки наследуют интеллект и темперамент по мужской линии. Замечательная смесь генов досталась мне от отца и моих дедов. Оптимизм, виденье жизни через экономическую выгоду, страсть к путешествиям, умению находить выход в любых ситуациях, меня, как добрый фей, одарил дед-татарин, пришедший в Сибирь в столыпин-

ское переселение на неосвоенные, сибирские земли с Волги. С другой стороны, сдерживал и уравнивал мою деловую часть, дед Иван, русский, потомственный православный священник. Человек степенный и глубоко верующий, склонный к наблюдению, философии и исследованиям душ человеческих. Так вот с этим киселём из генов, часто стремящихся к разделению на фракции, я рано начала ставить перед собой цели, в достижении которых, рассчитывала только на себя. Мне некому было вручать ответственность за мою жизнь, поэтому я её взяла сама, выстраивая себя, как могла.

Уже через год работы в универмаге меня задерживали правоохранительные органы за спекуляцию на рынках, едва не выгнали из комсомола за это же. Я побеждала во всевозможных конкурсах по проф. мастерству, имея опыт этого мастерства немногим более года. Мне категорически везёт на хороших людей. Популярна в огромном универмаге среди коллег благодаря природному дару – складно выражать свои мысли. Плохое зрение напрочь сметает всякую стеснительность перед аудиторией.

В тот весенний день во время обеденного перерыва я вышла в парк напротив универмага и просидела на лавочке весь обед. Уже при выходе из парка, меня остановила цыганка. Денег с собой было всего один рубль, по тем временам не совсем бесполезные деньги, но всё же не большие для переживаний, что меня кто-то обманет, а вот испытать судьбу предсказанием на этот самый рубль было очень заманчиво. Я

остановилась, заявив глядя прямо в глаза гадалке, что только на рубль она и может рассчитывать, если, конечно, не передумает гадать. Контракт был заключен и скреплён передачей монеты в надёжные цыганские руки. Первые, общие фразы цыганского гадания, типа ты хорошая и добрая, но тебя все используют, я пропустила мимо ушей. Гораздо интересней было наблюдать за тем, как цыганка расправляла мою руку, тёрла, похлопывала, слегка натягивая ладонь, чтобы видеть линии на руке. Как смотрела на меня тёмно-коричневыми, почти чёрными глазами.

Красивая, молодая женщина, в фартуке прикрывающем округлившийся беременностью живот. Тёмно-синяя прозрачная косынка, повязанная со лба к затылку, скрепляла собранные в «шишку» чёрные волосы. Мониисто. Настоящее монисто из жёлтых монеток в два ряда лежали на груди, прикрывая вырез блузки. Когда женщина двигалась, маленькие монетки ударяясь друг об друга, тихо позвякивали. Вдруг, глаза цыганки на мгновение замерли в одной точке, как будто что-то увидели и темп её речи изменился, она как-то по-другому посмотрела на меня, на мою руку и помягчевшим голосом начала говорить то, что меня удивило и конечно же запомнилось.

Молодая женщина смотрела на меня с сочувствием. Как вам?! Видеть сочувствие от цыганки, которая с молоком матери впитывает презрение ко мне, как к нечистой «гаджо»! Для которой обмануть меня, нечистую, велит вековая тра-

диция и философия её народа. Ничто так не запоминается человеку, как удивившие впечатления или события. На тот момент, я могла только слушать и относиться к гаданию как угодно, потому что они касались моего ещё не прожитого будущего. Но я никак не могла согласиться с тем, что она сказала в конце:

- Ты будешь счастлива после пятидесяти, а до этого терпи! – свернув мою ладошку, она слегка толкнула её мне навстречу, как бы возвращая и отвернувшись пошла прочь. Я осталась стоять с согнутой в локте правой рукой, уставившись на свою ладонь. Представляете услышать такое молодой девочке, восемнадцати лет, полной планов на счастливую жизнь о том, что она получит желаемое только через тридцать два года, которые ещё надо и «потерпеть»!! Пятьдесят лет, для восемнадцатилетней--это глубокая старость, когда жизнь вообще-то уже закончена и не имеет никакого смысла. Это невозможно - кричала моя бескрайне мощная молодость, полная сил и желания переставить любые горы, развернув вспять любые реки на своём пути. Наглая вера в своё счастливое завтра, вытащит из многих разочарований.

Глава 14

Быть несчастной – привычка, как курить.

И вот мне сорок три. Моё счастье просто. Оно в том, чтобы проснувшись, встать на собственные ноги, обслуживать себя и ребёнка. Работать. Вдруг обнаруживаю, что совершенно не помню, что такое быть счастливой. Зато, на лю-

бую безобидную, жизненную проблему, мозг начинает на-
кидывать настоящий хоррор и Хичкок со своими ужасами,
просто сопливый пацан, пытающийся напугать выдуванием
пузырей из носа. Моё исковерканное пережитым сознание
отказывалось признать, что всё плохое уже закончилось.

Со временем я научилась отслеживать возникновение
этих сценариев в голове и всё чаще они меня смешили своей
изворотливостью в построении сюжетов. Финал их стабиль-
но шекспировский, это когда «все умерли». Тогда я и начала
писать всё что чувствовала, о чём думала. Записи помогали
понимать себя, часто приводили к настоящим инсайтам, но
найти ответ на самый важный вопрос: «Почему это со мной
случилось?», пока так и не получалось.

Нужна была ревизия прожитого. Надежда на друзей, не
оставляла ничего кроме горечи, и после слов соболезнова-
ния на похоронах, брезгливо оглядываясь на нищету моего
жилища, все куда-то делись. Никто не любит и не стремится
быть с несчастными людьми, они заразны и здорово фонят
несчастьем, как захоронения радиоактивных отходов. Пони-
мая это, никого ни о чём не просила. Когда помощи ждать не
откуда, начинаешь лучше соображать и активней двигаться,
потому что хочешь жить и дать возможность жить людям, с
чьей судьбой неразрывно связана.

Жизнь разогнала от меня всех- и хороших, и плохих. Ко-
гда внешней опоры нет – остаётся вера. Я сидела с сыном на
пепелище своей жизни и понимала, что счастлива тем, что

жива, у меня есть сын, и ещё один шанс. Всей предшествующей жизнью, я как будто сдавала экзамен на право жить. Какими бы трагичными не были события, теперь я точно знаю, что в них уже было зерно грядущих перемен.

###

... «зависит только от меня»- очень смешно!

Ты каталась хоть раз на карусели в городском парке? Яркой, сверкающей разноцветными огнями карусели похожей на большой раскинувшийся шатёр, под пологом которого терпеливо ожидают своих наездников застывшие в движении слоники, лошадки, верблюды, жирафы и лебеди. Зазывалы манят, обещая удивительное приключение. Наконец ты поднимаешься на высокий помост карусели. Долго мечешься, задыхаясь от восторга и возможностей выбора, стараясь занять место получше. Очень хочется прокатиться на каждом животном, но выбрать надо исключительно одно, это условие хозяина аттракциона и купленного билета. И вот когда наконец выбор сделан, ты радостно громоздишься на спину животного, ёрзаешь, пробуешь на удобство стремяна и поводья, гладишь рукой по прохладному телу своего металлического коника, волнуешься. Вздвогнув всем телом карусель медленно начинает движение.

Окружающий мир скользит, катится ровной дорогой под ноги твоего скакуна. Встречный ветер обдувает раскрасневшееся от предвкушения приключения лицо, и ты радостно машешь публике, которой не повезло так как тебе, и они

остались там, на обочине, за низким забором, продолжая поиск своего «аттракциона».

А ты знаешь, что после того, как выбор сделан и карусель пришла в движение, ты ничего не можешь изменить?! Всё как в жизни. Все фигуры на карусели заняты теми, кто пройдёт с тобой эти отмерянные круги. Можно наблюдать, любить, ненавидеть, требовать, сдаваться, бороться, спасать, предавать, учиться, меняться, всё можно. Вставать и ходить вовремя движения карусели - нельзя, это не метафора, я проверяла, чуть не выкинуло к чёртовой матери!

Отмотав необходимые круги, аттракцион остановится, исчерпав весь запас энергии, выделенной на конкретные события с конкретными участниками. Всё закончилось с одной целью, чтобы начаться снова, согласно купленных билетов. Жизнь — постоянный выбор. Чёрное или красное, лебедь, верблюд, лошадка или черепаха, быть или не быть – тому, кто запускает аттракцион жизни это не важно. Он одобрително кивает на любой выбор, потому как рассчитывать за него придётся тому, кто его делает.

###

Чтобы подняться, надо упасть.

Сначала от меня отказались врачи, это произошло естественно, потому как мы перебрали все известные моему доктору препараты и всякого рода воздействия, но ожидаемого результата не последовало. Шейный позвонок не собирался вставать на место и освобождать пережатые сосуды. Чело-

век может жить без рук-ног-глаз-аппендицита-лёгкого- желудка-части кишечника и много другого, но жить без нормально работающего мозга не может ни один орган. Мои по крайней мере отказывались напрочь. Поэтому доктор от меня устала, и я её понимала.

Дальше пришёл черёд знахарок и травниц. Благодаря им мой кругозор и познания в строении человека, целебных травах, о пользе голодания, холотропного дыхания расширились, но позвонкам опять было пофиг. Тогда я обложила книгами по медицине. Уж не помню на какой странице учебника меня вдруг осенило; более девяносто восьми процентов описанных там заболеваний в конце этого самого описания имели вердикт: Этиология заболевания не известна. Опаньки!!! То есть как лечить протоколы есть, описание есть, а от чего и как возникает, одни предположения? Пардонь-те! А что мы тут все лечим, стесняюсь спросить?!

Именно тогда, как все варианты лечения закончились в мой дом, случайно попала женщина-целитель. Она перепробовала на мне всё что знала, а я обрела настоящего друга. Через полгода наметились не большие улучшения. Однажды она сказала мне;

-- Я сделала всё что могла, теперь твоя очередь. -- и положила на стол книгу о цигун с подробным описанием упражнений. Дхарма судьбы снова провернулась.

Моё утро начиналось в девять утра, потому как ночные бдения и кошмары пока ещё никто не отменял. Сначала за-

рядка. Потом, особенный «танец». Я включала ритмичную музыку арабских барабанов и танцевала до изнеможения, пока тело обливаясь потом не останавливалось само. Потом часовая энергетическая медитация цигун. Завершало утро обливание холодной водой. И так каждый день. Пять лет. Ни сахара, ни кофе, ни сладостей, ни капли алкоголя, ни сигарет. Организм был благодарен, и я выздоравливала. Пока медленно, но это уже была - победа! Не имея денег, я занималась дома, сама находила информацию и опробовала её на себе, то, что подходило, применяла. Время понимания причин и следствий.

Глава 15

Мой САМАДХИ

Что бы почувствовать это состояние, когда-то мне надо было долго сидеть, скрестив ноги освобождая голову от мыслей. Для этого есть много техник. Мне зашла медитация о пустой комнате. Получилось. Следующий этап – почувствовать движение энергий в теле по двум основным каналам. Не сразу, но получилось. С каждым разом всё легче. Однажды случилось неожиданное, без всякой подготовки я провалилась в медитацию посреди белого дня, в маршрутке.

Мягкие волны энергий завибрировав, окутали тело. Это было похоже на языки жёлтого пламени, танцующих свой танец, привнося в каждый миллиметр моего тела — блаженство. Губы пересохли. Счастье в высшей степени и где-то на задворках сознания испуг одновременно. Я не пробова-

ла наркотики, никогда, но то, что даёт состояние «самадхи» можно сравнить только отдалённо с оргазмом длиною.... У меня было часов пять. Слава Богу, за окном была ранняя весна и одежда скрывала от пассажиров происходящее с моим телом. Отворачиваясь к окну и старательно пряча своё состояние, я была под явным «кайфом» самадхи и выйти из него не могла.

Мягкие волны всеобъемлющей любви снова и снова прокатывались по всему телу, волна за волной. Глаза прикрылись, на губах замерла счастливая улыбка. Тело не произвольно вздрагивало, пытаюсь подстроиться под этот волшебный танец энергий. Дыхание само выбирало ритм. Я могла только наблюдать, тогда как каждая клеточка тела наполнялась неопишным блаженством.

Ненадолго вынырнув из сладкого, тягучего янтарно-солнечного как мёд состояния, вышла из маршрутки. Воздух, свет, казались густыми и можно было видеть их плотность и цвет. Удивительное состояние. В каждом атоме воздуха растворена жизнь и любовь. Ей можно было дышать. Впереди семь часов рабочего времени. Среди большого количества людей и информации. Меня немного пугало, что я не могу стряхнуть с себя это "наваждение". Конечно, есть техники, как выходить из подобного состояния, но здесь было глубинное понимание, что вмешиваться в процесс нельзя. Важно было позволить всему случиться. Отпустило только к вечеру, так же внезапно. Чувство лёгкой усталости и тоски по

дому, что ли. Не знаю, как описать. Как будто ушёл свет.

Все наркотики мира – вонючий дихлофос, по сравнению с теми переживаниями что обычны в медитации... Так случился мой первый "самадхи".

Я выздоравливала. Как побочный эффект обострилась интуиция. Сильно изменилась внешне, постройнела, стала уверенней в себе. Не могу сказать, что у меня не было проблем, они были, потому как к реальной жизни прилагаются события, которые мы ошибочно называем проблемами. Несчастливая судьба, это как добровольное заключение в тюремной камере, запертой на непреодолимую на вид дверь. За дверью каземата нет стражей и для того, чтобы уйти надо просто захотеть. Это не просто. Захотеть встать. Выйти. Закрыть за собой эту чёртову камеру. Закрыть на огромный замок, а ключ выбросить и никогда не искать!

Глава 16

Сын

Глядя на своего тринадцатилетнего сына, я вдруг поняла, что в своих страданиях не заметила, как он вырос. Это понимание было как удар и очень дорогая расплата за ошибочные приоритеты. Произошло, то, что нельзя вернуть. Сын вырос, а я с ним не наигралась, не насмотрелась, не на обнималась, не наговорила, не надурочилась. Больно смотреть в глаза не придуманной реальности. Как бы мне хотелось вернуться во времени и прочувствовать каждую секунду общения с сыном. Ни деньги, ни всё сжигающее желание спасти мужа

и сохранить семью не принесли счастья. Конечно, это тоже важно, но я пропустила время видеть, как растёт сын...

###

Однажды меня привлекли голоса с улицы. Июльская жара открывает окна и балконы настежь, а второй этаж часто делает свидетелем многих событий под окнами. В этот раз я слышала мальчишечьи голоса и уловив голос сына, вышла на балкон. Незнакомые пацаны, немного постарше моего, как стайка гиен, взяв сына в полукруг, задираясь и провоцируя на драку, пыталась этот круг замкнуть. Всё бы ничего, но их было человек восемь, а мой, один. Я молча наблюдала.

Осторожно отступая и стараясь быть спиной к стенам дома, защищая свой тыл, мой ребёнок, двигался к подъезду. Сама его позиция мне понравилась. Судя по бледному лицу, вели они его так уже давно. Я выросла в рабочем посёлке, и кое-что понимала в дворовых драках, но восемь против одного, было явно нечестно. Весь этот почётный эскорт сына, должен был исчезнуть с поля моего зрения за угол дома, чего я конечно же не могла допустить. Слишком высока была вероятность что возле подъезда всё и случится...

Восемь против одного- не честно, поэтому я вмешалась, громко и с выражением! По-бойцовски настроенная вся эта братия, отступила под натиском моих аргументов в их неправоте, а драться восемь против одного могут только трусы. Я предложила выяснять отношения один на один, как и положено среди настоящих пацанов. Какой из приведённых

мною доводов стал основным, не знаю, но вся компания медленно двинулась в сторону, пообещав вернуться.

Войдя в дом, сыну, конечно же ничего не оставалось, как рассказать всю предысторию этого почётного караула, свидетелем которого я стала. Сын рос крупноватым для своего возраста и выделялся среди мальчишек нашего двора с которыми дружил, поэтому, когда пацаны из соседней школы, наехали на МалОго, уже своей кличкой, оправдывавшего свои размеры и возраст, мой, конечно же вступился.

Шпана с соседней школы начала травить моего парня. Как нормальный подросток, сын боялся драки. Дворовые друзья слились, а я стала свидетелем третьего дня травли. Выслушав всё и немного успокоившись, мы разошлись по комнатам. До четырёх утра, я перебирала варианты выхода из ситуации. Был вариант отправить в деревню, не пускать на улицу, затеять заявление участковому, пойти в школу, где учились пацаны, в общем поднять шум, но все они для меня были не настоящие, просто потому что я не могла позволить сыну струсить. Но и случиться бесконтрольной драке с численным преимуществом противника, где мальчишки по горячности глупой могут схватиться за камни и палки, я не могла позволить. Утром приняла решение и объявила, что надо драться! На драку вместе с ним, раз уж никого больше не нашлось, пойду я.

-Нет, мам, только не это! Ходить с мамой на дворовые драки, это ж совсем позор, меня засмеют! Я пойду один - отби-

вался сын.

- Да конечно! И эта стая гиен забьёт тебя! - сопротивлялась я. Клятвенно пообещав, что буду там только для того, чтобы соблюдались правила драки. Поединок один на один был назначен на следующее утро.

Сказать, что мы оба волновались, значит ничего не сказать. Я боялась. Очень. Сын молча таскал гантели, кусая губы. К десяти часам утра никто из друзей сына клявшихся, что обязательно придут, ожидаемо не пришёл и мы отправились вдвоём. Драка была назначена среди гаражей. Когда я увидела, человек двенадцать мальчишек, рассеявшихся на крышах гаражей, все мои сомнения рассеялись. Я всё сделала правильно! Смешок по поводу что сын пришёл с мамой, я оборвала, и обратившись к вожаку пацанов, объявила о правилах драки.

1. Драка один на один.
2. Драка до первой крови без палок и камней.
3. Лежачих не бьют.
4. И побеждённый должен сказать-Сдаюсь.

Мальчишка, объявленный обиженным, подталкиваемый в спину вожаком, вышел навстречу. Драка продлилась минут десять, под улюлюканье ватаги, скакавшей по крышам гаражей, как стая павианов. Противники дрались по-настоящему. Я гордилась сыном. Тем как он превозмог себя, не струсил и дрался достойно. Кровь, разбитые губы и носы, ободранные коленки, порванные футболки, и прижатый коле-

ном в земле противник, громко произнёсший- Сдаюсь!

Возбуждённые кровью и дракой, пацаны были не согласны признать поражение, задирая сына на новый поединок и драку с каждым по очереди. Мне пришлось настоять на соблюдении правил и на вопрос, имеют ли они ещё претензии, вождь «стай», был вынужден признать, что нет. Все разошлись по домам смывать кровь и сына навсегда оставили в покое. Об этой истории конечно же говорили, кто-то осуждал меня, кто-то подсмеивался, но ещё много лет, со мной на районе с уважением здоровались уже давно повзрослевшие «противники». Иногда я не узнавала эти уже требующие бритвы лица, но вожака этой детской банды, узнавала всегда.

Глава 17

Путь

Как я вспомнила про цыганку в парке?! Об этой истории напомнила моя правая рука. Однажды разглядывая её, я заметила, что там стала проявляться линия, которой неделю назад, не было. Совсем. Мои «антенны» внимания, натянулись в трепетном ожидании, учуяв новое движения пространства. Я с удивлением следила за тем, как слабая линия на ладони, за две недели набрала такую силу, что легла чётко видимой полосой расчертив ладонь надвое от запястья и до среднего пальца.

Чудеса, которые я не могла объяснить. Ответы на возникающие вопросы я тогда искала древним способом, в книгах. Именно там я наткнулась на книгу о хиромантии, где

узнала, что эта линия, не много- не мало, а линия судьбы или линия ангела хранителя. Упс! Это получается, что только сейчас, после моих сорока семи, ангел-хранитель согласился признать, что я существую и принял меня под свою юрисдикцию! Прямо растерялась - то ли обидеться, то ли обрадоваться! Ну я вообще-то уже и не просила ни о чём. До пятидесяти, осталось три года...

Так состоялся ещё один контракт в моей жизни с «серьёзными людьми» наверху. То, что меня взяли в «разработку», поняла сразу, потому как начали происходить удивительные события. Важные.

###

Вероломство

Информация о женщине, гадающей на Таро и предсказывающей будущее по предметам и фото, просто лезла в глаза и уши на разных уровнях информационного пространства больше месяца, заставляя обратить на себя внимание. И вот я сама(!) напросилась на встречу с гадалкой. Назовём её, Вика. Мы встретились у меня дома и волшебная колода карт Таро, разложенная со знанием дела, ориентированная по частям света, растеклась по столу, определяя моё прошлое, настоящее, будущее. Самым захватывающим зрелищем было то, как Вика готовилась к действию, как тасовала карты, как отслеживала, где должна сидеть я и не скрещены ли у меня руки и ноги - просто бальзам на мою любопытную душу!

- В прошлом, ты была игроком! Тебя застрелили! Прямо за

карточным столом! Да! Ты была мужчиной! Распи@дям!)

- Ок! - подумала я, а что я могла думать, если этот факт не проверить. Потом небольшой пробег по моему прошлому, к тому возрасту в котором я вопрошала к картам, у меня уже много чего было и любое предсказание могло найти своё место в прошлом.

- Мейби!))- вертелись ответы на все предсказания в моей голове... "Мейби"...

Слушая гадалку, мне интересно было наблюдать, как происходит процесс предсказаний. В моём детстве, конечно же были рассказы про "гроб на колёсиках" и «чёрную комнату», а также другие атрибуты пионер-лагерного детства. Позже я читала Рериха и Блаватскую, Куприна и Кастанеду, но я никогда не сталкивалась с чудесами в живую!

Если не считать собаку из моего детства, проникшую в квартиру в открытую летом дверь, и нашедшую укромное место под шкафом, напротив моей кровати. Всю ночь пёс усиленно чесался, и я не умея объяснить происхождение звука отчаянно старалась вспомнить все молитвы, которым меня научила бабушка. Но рассвет нарушил таинство, пёс был изгнан и чуда не случилось!

Уже не помню, на какой "счастливой минуте" прозвучала фраза; " У тебя нет веры, поэтому за тобой стоит "чёрный ангел", и ты отлучена от Бога, и тебе срочно надо идти в церковь, и делать то-то и то-то; я не поняла. Наверное, всё-таки поймала "блики магического шара", потому что, оторопев

установилась на Вику.

- Что?! Отлучена? Как?! Я живу с ним в сердце каждую минуту чувствуя его поддержку. И когда жизнь в моих глазах, как факт и необходимость, теряла всякую ценность, Он держал меня за руку. Когда никто не мог помочь, и надежда вытекала из меня как кровь, Бог был рядом и это как дышать настолько, что я даже не воспринимаю это как чудо. Что ты говоришь!?!- слабо защищалась я.

— Это всё от "чёрного", это он! - назидательным тоном нашей школьной математички, вещала моя гадалка. - он стоит за твоей спиной, и я его вижу! Вижу! Он заставляет тебя служить себе.

Внешне, я была совершенно спокойна, улыбалась в полной уверенности, что уж я-то со своими прокаченными цигун меридианами и медитациями полностью не пробиваема. Я так думала...Будучи "хорошей и воспитанной девочкой", вежливо закончив всё это действие чаем с печеньками закрыла за Викой дверь, несколько разочарованная тем, что "чуда" не случилось, а всего лишь обычный бред неврастенички.

Началось всё на следующий день.

Глава 18

Чудеса.

Слова, которые мы в порыве эмоций бросаем в друг друга, как семена, могут обрести самостоятельность и дать всходы, полностью игнорируя вашу волю. В моём случае, они не просто проросли, но и заколосились...

Уже на следующий день, мягкая пульсация мысли что я могу обманываться в том, во что верила, стала давать привкус горечи и разрастаться как гриб атомного взрыва, неся ту же смертельную опасность. Почти месяц, я боролась с последствиями "радиации", оставленной гадалкой, приводя всевозможные доводы в глупости человеческой, не профессионализме, и всякого такого. Я никак не могла справиться, пока однажды, меня не осенила мысль, обратиться на прямую, к первоисточнику. И я обратилась к Нему, приводя множество, как мне казалось убедительных аргументов для скорого ответа. И ответ пришёл! Быстро. Я хотела чуда... Таки вот!

Я была за рулём машины и остановилась на одном из городских перекрёстков подчиняясь красному цвету светофора. Низкие грозовые облака, как огромные фиолетовые замки, наползая друг на друга, строили непреодолимую крепость, освещая всполохами молний и каждую минуту принимая новую форму. Глядя на всю эту торжественно-грозную картину, предвещавшую ливень со шквальным ветром большой разрушительной силы, я просила ответа на свой вопрос с маниакальной одержимостью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.